

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

ШАРЛЬ
МОНТЕСКЬЕ

ДЕСПОТИЯ
И
ДЕМОКРАТИЯ

ВСЯКИЙ
ЧЕЛОВЕК,
ОБЛАДАЮЩИЙ
ВЛАСТЬЮ,
СКЛОНЕН
ЗЛОУПОТРЕБЛЯТЬ
ЕЮ

ДЕНИ
ДИДРО

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

Философский поединок

Дени Дидро

**Деспотия и демократия. Всякий
человек, обладающий властью,
склонен злоупотреблять ею**

«Алисторус»

УДК 14
ББК 87.7

Дидро Д.

Деспотия и демократия. Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею / Д. Дидро — «Алисторус»,
— (Философский поединок)

ISBN 978-5-00180-435-2

«Самая жестокая тирания – та, которая выступает под сенью законности и под флагом справедливости», – писал Шарль Монтескье (1689–1755), французский философ эпохи Просвещения, один из зачинателей идеологии либерализма. «Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею», – утверждал он, и тогда государство становится деспотическим, а «общественная казна делается достоянием частных лиц». В своих трудах Монтескье показал, каким должно быть государство, основанное на принципах демократии, с одинаковыми для всех законами. «Невозможно любить родину, которая нас не любит», – говорил Дени Дидро (1713–1784), еще один знаменитый философ Просвещения. Прежде всего, он известен созданием «Энциклопедии», к работе над которой привлек Монтескье, Вольтера, Руссо и других мыслителей этой эпохи, однако он и сам был выдающимся мыслителем, обосновавшим положения о политической свободе, в том числе о свободе слова – «неотъемлемым праве всех двуногих». Одно время Дидро жил в России, наблюдения над жизнью которой дали богатый материал для его размышлений о государстве. В книге приводятся произведения Монтескье и Дидро, дающие представления о взглядах этих философов.

УДК 14
ББК 87.7

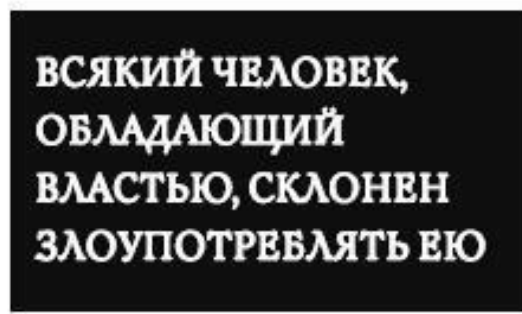
ISBN 978-5-00180-435-2

© Дидро Д.
© Алисторус

Содержание

Шарль Монтескье	7
О духе законов	7
Республика, монархия и деспотия	7
Принципы демократии	11
Размер территории и форма правления	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Шарль Монтескье, Дени Дидро Деспотия и демократия. Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею

© Перевод с французского А. Горнфельда, П. Николаева, П. Люблинского, Е. Гунста,
2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Шарль Монтескье

Деспотия и демократия (из книги «О духе законов»)

О духе законов

Республика, монархия и деспотия

Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией.

В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях – подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии – знать, кто государь и как он должен управлять.

Либаний говорит, что в Афинах иностранец, вмешавшийся в народное собрание, подлежал смертной казни; он был виновен в узурпации прав верховной власти.

Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т. е. должностных лиц государства. Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснять случайностью.

Закон, определяющий самую форму подачи избирательных бюллетеней, принадлежит к числу основных законов демократии. Здесь особую важность имеет вопрос, будет ли голосование открытым или тайным. Цицерон пишет, что законы, установившие в последние времена римской республики тайное голосование, были одною из главных причин ее падения. Ввиду того что этот вопрос решается в различных республиках неодинаково, вот что, полагаю я, следует сказать о нем.

Когда голоса подает народ, то голосование, несомненно, должно быть открытым, и в этом следует видеть один из основных законов демократии. Нужно, чтобы руководители вразумляли простой народ и чтобы известные лица сдерживали его своим авторитетом. Поэтому, когда в римской республике было введено тайное голосование, все в ней стало разрушаться; не было уже более возможности вразумить погибающий народ. Когда же голоса подаются в аристократии знатно или в демократии сенатом и когда поэтому все дело сводится лишь к предупреждению происков честолюбия, то в этих случаях находит применение самая строгая тайна голосования.

Происки честолюбия опасны в сенате и в знати, но они не опасны в народе, которому свойственно действовать по влечению страсти. В государствах, где народ не имеет никакого участия в управлении, он будет увлекаться каким-нибудь актером, так же как в других случаях увлекался бы государственными делами. Полное отсутствие честолюбивых стремлений – большое несчастье для республики. Оно постигает ее, когда народ развращен подкупам; он становится тогда равнодушным, пристращается к деньгам, но уже больше не интересуется государственными делами, не думает ни о правительстве, ни о его намерениях и пребывает в тупом спокойствии.

* * *

В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают законы и заставляют исполнять их; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю. Если число знатных очень велико, то является необходимость в сенате для решения дел, которые знать не в состоянии решать сама, и для подготовки тех дел, которые подлежат ее решению. В этом случае можно сказать, что сенат представляет собою аристократию, знать – демократию, а народ – ничто.

Чрезмерная власть, внезапно предоставленная в республике гражданину, образует монархию и даже больше чем монархию. В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как тут он не встречает никакого противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства.

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона.

Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы. Таким учреждением могут быть лишь политические коллегии, которые обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают. Свойственное знати невежество, ее невнимательность и презрение к гражданской власти вызывают необходимость в учреждении, которое постоянно извлекало бы законы из тьмы забвения, в которой они были бы погребены.

Состоящий при государе совет не годится для этой цели. По самой природе своей он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов. Сверх того, совет государя постоянно меняется, он не действует непрерывно, не может быть многочисленным, наконец, он не пользуется в достаточно

высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к повиновению.

В деспотических государствах, где нет основных законов, нет также и охраняющих их учреждений. Этим объясняется та особенная сила, которую в этих странах обычно приобретает религия: она заменяет непрерывно действующее охранительное учреждение; иногда же место религии занимают обычаи, которые там почитаются вместо законов.

Из природы деспотической власти следует, что одно лицо, обладающее ею, поручает осуществлять ее также одному только лицу. Человек, которому все его пять чувств постоянно говорят, что он – все, а прочие люди – ничто, естественным образом, ленив, невежествен, сластолюбив. Поэтому он сам не занимается делами. Но если он поручит их нескольким лицам, то между ними пойдут распри, начнутся интриги из-за чести быть первым между рабами, и государю снова придется вмешиваться в дела правления. Поэтому гораздо проще предоставить все дела визирю, наделив его всей полнотой власти. Учреждение должности визиря есть поэтому основной закон такого государства. Говорят, что некий папа, проникнутый во время избрания сознанием своей неспособности, очень долго отказывался от сана. Наконец, он согласился и поручил вести все дела своему племяннику. Он был в восторге и говорил: «Я и не думал, что это так просто».

* * *

Для того чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет вечно подъятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель – добродетель.

Сказанное мною подтверждается всей совокупностью исторических данных и вполне сообразно с природой вещей.

Ясно, ведь, что монархия, при которой лицо, заставляющее исполнять законы, считает себя выше законов, не имеет такой надобности в добродетели, как народное правление, при котором лицо, заставляющее исполнять законы, чувствует, что само подчинено им и само несет ответственность за их исполнение. Если законы перестают соблюдаться в народном государстве, то оно уже погибло, так как причина этого зла может быть только в испорченности самой республики.

Поучительное зрелище представили нам в прошлом столетии бессильные попытки англичан водворить у себя демократию. Так как лица, принимавшие здесь участие в делах правления, далеко не отличались добродетелью, а честолюбие их разжигалось успехами лица, отличавшегося наибольшим дерзновением, и так как стремления одной партии могли быть обузданы только стремлениями другой, то правительства постоянно менялись и народ, всюду искавший демократию, к удивлению своему, не находил ее нигде. Наконец, после многих движений, толчков и потрясений пришлось остановиться на том самом образе правления, который до этого был отвергнут.

Когда Сулла захотел возратить Риму свободу, Рим уже не мог принять ее. Он сохранил лишь слабый след прежней добродетели, и так как в дальнейшем добродетель продолжала угасать, Рим вместо того, чтобы пробудиться после Цезаря, Тиберия, Кая, Клавдия. Нерона, Домициана, все более погрязал в рабстве; все удары падали на тиранов, и ни один – на тиранию.

Политические деятели Греции, жившие во времена народного правления, не признавали для него никакой другой опоры, кроме добродетели. Нынешние же только и говорят, что о мануфактурах, торговле, финансах, богатстве и даже о роскоши.

Когда эта добродетель исчезает, честолюбие овладевает всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием. Предметы желаний изменяются: что прежде

любили, того уже не любят; прежде была свобода по законам, теперь хотят свободы противозаконной; каждый гражданин ведет себя, как раб, убежавший от своего господина; что было правилом, то стало казаться строгостью; что было порядком, то стало стеснением, осмотрительность называют трусостью, корыстолюбие видят в умеренности, а не в жажде стяжаний.

Прежде имущества частных лиц составляли общественную казну, теперь общественная казна стала достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила – это власть немногих и произвол всех.

Ни одно правление не нуждается, поэтому, в такой степени в помощи воспитания, как республиканское правление. Страх в деспотических государствах зарождается сам собою под влиянием угроз и наказаний, но политическая добродетель вещь всегда очень трудная. Эту добродетель можно определить как любовь к законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою не что иное, как это предпочтение.

Эта любовь получает особенную силу в демократиях. Только там правление государством вверяется каждому гражданину. Но правительства подчинены тому же закону, что и все вещи в мире. Чтобы их сохранить, надо их любить. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы государь не любил монархии, а деспот ненавидел деспотизм, Дело, следовательно, в том, чтобы водворить в республике эту любовь, ее-то и должно прививать воспитание. Но лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Человек обыкновенно способен передавать детям свои познания; в еще большей степени он способен передавать им свои страсти.

Если же этого не происходит, то это значит, что все внушаемое в родительском доме разрушается влияниями, приходящими извне. Народ вырождается не в пору своего зарождения; он погибает лишь тогда, когда зрелые люди уже развращены.

* * *

В монархиях государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей, которые мы находим у древних и о которых знаем только по рассказам.

Прочитайте, что писали историки всех времен о дворах государей; вспомните, что говорят во всех странах о гнусной природе придворных; это не умозрение, а плоды печального опыта.

Честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, забвение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх перед добродетелью государя, надежда на его пороки и, что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью – вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмечавшиеся – всюду и во все времена. Но трудно допустить, чтобы низшие были честны там, где большинство высших лиц в государстве люди бесчестные, чтобы одни были обманщиками, а другие довольствовались ролью обманываемых простаков.

Если же в народе и найдется какой-нибудь злополучный честный человек, то кардинал Ришелье в своем политическом завещании намекает, что государю следует остерегаться пользоваться его услугами. Вот до какой степени непреложна истина, что добродетель не есть движущее начало этого образа правления. Конечно, она может встретиться и в нем, но не она управляет его деятельностью.

Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает. Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом всякое мужество в людях.

В деспотических государствах природа правления требует беспрекословного повиновения, и, раз воля государя известна, все последствия, вызываемые ею, должны наступить с неизбежностью явлений, обусловленных ударом одного шара о другой.

Здесь уже нет места смягчениям, видоизменениям, приспособлениям, отсрочкам, возмещениям, переговорам, предостережениям, предложениям чего-нибудь лучшего или равносильного. Человек есть существо, повинующееся существу повелевающему.

Здесь уже нельзя ни выражать опасений относительно будущего, ни извинять свои неудачи превратностью счастья. Здесь у человека один удел с животными: инстинкт, повиновение, наказание.

Безоговорочное повиновение предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает: ему незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, когда достаточно только приказать. Знание там было бы опасно, соревнование – губительно, что же касается добродетелей, то, по мнению Аристотеля, нет ни одной добродетели, которая была бы свойственна рабам.

Надо лишить человека всего, чтобы дать ему нечто, и сначала сделать из него дурного подданного чтобы потом получить хорошего раба. Да и зачем стараться там воспитать хорошего гражданина, чуткого к общественным бедствиям? Ведь любовь к государству может увлечь его к попыткам ослабить бразды правления.

Принципы демократии

Любовь к республике есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству.

Любовь к демократии есть, кроме того, любовь к умеренности. Так как все должны там пользоваться одинаковым благополучием и выгодами, то каждый должен иметь такие же удовольствия и предаваться таким же надеждам, что и прочие; а все это возможно только при общей умеренности.

Любовь к равенству в демократии ограничивает честолюбие одним желанием, одним счастьем – послужить отечеству более важными деяниями, чем прочие граждане. Все не могут быть для него равно полезны, но все равно должны быть ему полезны. Граждане уже с самого рождения находятся в неоплатном долгу перед отечеством.

Таким образом, самые отличия вытекают там из принципа равенства, даже когда последнее, по-видимому, совсем устраняется превосходством таланта или удачным служением.

Любовь к умеренности ограничивает в демократии стремление приобретать желанием иметь необходимое для семьи, а излишек – для отечества. Богатство дает власть, которую гражданин не может употреблять для собственной пользы, потому что он перестал бы быть равным другим гражданам. Оно доставляет наслаждения, которыми он тоже не должен пользоваться, потому что этим также нарушалось бы равенство.

Поэтому благоустроенные демократии, утвердив умеренность в области домашней жизни, открыли двери для роскоши в области жизни общественной, как это и было в Афинах и в Риме. Так умеренность явилась источником изобилия и великолепия, и как религия требует, чтобы жертвы богам были приносимы чистыми руками, так законы устанавливают умеренность в нравах, чтобы была возможность приносить дары отечеству.

В монархиях и в государствах деспотических никто не стремится к равенству; даже мысль об этом никому не приходит в голову; там каждый стремится к возвышению. Люди самого низкого положения желают выйти из него лишь для того, чтобы господствовать над другими людьми.

То же и с умеренностью: чтобы полюбить ее, надо наслаждаться ею. И, конечно, не люди, развращенные роскошью, могут полюбить воздержание; если бы этот переход был явлением

естественным и обычным, то Алкивиад не стал бы предметом восхищения всего мира. Не полюбят умеренность и те, которые завидуют роскоши других людей или восхищаются ею; люди, которые имеют перед глазами только или богачей или таких же бедняков, как они сами, ненавидят свою бедность, не любя и не ведая того, что составляет середину между бедностью и богатством.

Итак, вполне истинно правило, что для развития любви к равенству и умеренности в республике нужно, чтобы они были там установлены законами,

Некоторые древние законодатели, как, например, Ликург и Ромул, разделили земли поровну. Это могло произойти лишь при основании новой республики или когда старая была до того испорчена и состояние умов в ней было таково, что бедные считали необходимым домогаться подобного средства, а богатые – допустить его. Если законодатель, совершив такой раздел, не установит особых законов для его охранения, то создание его будет недолговечно: неравенство проникнет в него с той стороны, которая не защищена законом, и республика погибнет.

Поэтому для поддержания этого порядка необходимо регулировать приданое женщин, дарения, наследования, завещания, наконец, все роды договоров. Ибо если бы было дозволено передавать свое имущество кому угодно и как угодно, то каждая отдельная воля подрывала бы положения основного закона. Солон, дозволив афинянам в случае бездетности передавать имущество по завещанию кому угодно, пошел вразрез с древними законами, не позволявшими выхода имущества из семьи завещателя. Он стал вразрез и со своими собственными законами, так как, уничтожая долги, он добивался равенства. Закон, запрещавший получать более одного наследства, был очень благоприятен для демократии. Он коренился в равном разделе земельных участков между гражданами. Он не допускал скопления в одних руках нескольких участков.

* * *

Как равенство состояний поддерживает умеренность, так умеренность поддерживает равенство состояний. Хотя это две различные вещи, но они таковы, что одна без другой существовать не может; каждая из них есть и причина и следствие; если одна покидает демократию, другая всегда уходит вслед за нею.

Правда, в демократиях, которые основаны на торговле, может случиться, что отдельные лица будут обладать большими богатствами, а нравы, несмотря на это, останутся неповрежденными. Дело в том, что дух торговли влечет за собою дух воздержания, бережливости, умеренности, трудолюбия, благоразумия, спокойствия, порядка и исправности, поэтому, пока этот дух держится, богатства, производимые им, не оказывают никакого дурного влияния. Зло наступает лишь после того как этот дух торговли будет уничтожен излишним накоплением богатств. Тогда все неурядицы неравенства, которые до той поры не давали себя чувствовать, вдруг выступают наружу. Чтобы поддержать этот дух торговли, надо, чтобы первые граждане сами занимались ею; чтобы этот дух господствовал безраздельно, не смешиваясь с другим; чтобы все законы охраняли его; чтобы те же законы, распределяя богатства по мере того, как они увеличиваются торговлей, доставляли каждому бедному гражданину такое благосостояние, которое давало бы ему возможность работать, как прочие, а каждого богатого гражданина ставили бы в такое умеренное положение, которое заставляло бы его трудиться, чтобы приобретать и сберегать.

Закон, уделяющий всем детям равную долю из наследства их отца, очень благоприятен для торговой республики. Благодаря этому закону, как бы ни был богат отец, дети всегда будут беднее его и потому будут склонны избегать роскоши и трудиться по примеру своего отца.

Говоря это, я имею в виду лишь торговые республики; для прочих же есть немало других мер, о которых следует подумать законодателю.

В Греции было два рода республик: одни – военные, как Лакедемон, а другие – торговые, как Афины. В одних хотели сделать граждан праздными, в других им старались внушить любовь к труду. Солон считал праздность преступлением и хотел, чтобы каждый гражданин отдавал отчет в том, каким образом он приобретает средства к существованию. В самом деле, при хорошей демократии, в которой все должны ограничиваться необходимым, каждый должен приобретать средства к существованию своим трудом, так как никто не может их ему предоставить.

Если говорить о характере правления в республике, возникает вопрос: должны ли законы понуждать гражданина к принятию общественных должностей? Отвечаю: да, должны. В республике общественная должность является свидетельством добродетели, драгоценным залогом, который отечество вверяет гражданину, и так как вся жизнь, деятельность и все мысли последнего должны принадлежать отечеству, то он и не может отказываться от этих должностей.

Другой вопрос: следует ли соединять в руках одного лица исполнение гражданской и военной должности? В республике надо их соединять: было бы опасно превращать армию в особое сословие, отличное от гражданского. В республике люди берутся за оружие лишь в качестве защитников законов и отечества; человек становится на некоторое время солдатом именно потому, что он гражданин. При наличии же двух различных сословий каждому, кто, состоя в армии, продолжал бы считать себя гражданином, могли бы дать почувствовать, что он не более как солдат.

В монархиях военные стремятся только к славе или по меньшей мере к чести или богатству. Таким людям отнюдь не следует поручать гражданских должностей; необходимо, напротив, чтобы гражданские власти обуздывали их. Недопустимо, чтобы одни и те же лица обладали одновременно и доверием народа, и силой, позволяющей злоупотреблять этим доверием.

* * *

Все люди равны в республиканских государствах, – они равны и в деспотических государствах, но в первом случае потому, что они – все, во втором потому, что все они – ничто. Отсюда следует разница в судопроизводстве. В деспотических государствах нет закона: там сам судья – закон. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковывать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни.

В Риме судьи выносили решения только по вопросу о виновности подсудимого в известном преступлении, а наказание назначал закон, как это видно из различных созданных там законов. Точно так же и в Англии присяжные решают лишь вопрос о том, доказан или нет проступок, представленный на их рассмотрение; если он доказан, судья произносит наказание, установленное законом за такой проступок, для чего ему нужны только глаза.

При этом строгость в наказаниях более свойственна деспотическим государствам, принцип которых – страх, чем республикам, которые имеют своим двигателем честь и добродетель.

В умеренных государствах любовь к отечеству, стыд, боязнь порицания заключают в себе обуздывающую силу, которая в состоянии удержать от многих преступлений. Самое тяжелое наказание за совершение дурного поступка состоит там именно в том, чтобы быть уличенным в этом поступке. Поэтому гражданские законы могут там легче исправлять людей и они не нуждаются в особенной суровости.

В этих государствах хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы.

Китайские писатели постоянно замечали, что умножение казней в их империи всегда предвещало приближение революции: в самом деле, казни умножались по мере того, как портились нравы.

Нетрудно было бы доказать, что во всех или почти во всех государствах Европы наказания усиливались или смягчались в зависимости от того, насколько там приближались к свободе или удалялись от нее.

Люди чрезмерно счастливые и люди чрезмерно несчастные одинаково склонны быть жестокими, доказательство – монахи и завоеватели. Только в посредственности и состоянии, смешанном из счастья и несчастья, встречаются кротость и сострадание.

То, что мы видим у отдельных лиц, наблюдается также и у целых народов. Мы встречаем одинаковую жестокость у народов диких, жизнь которых очень сурова, и у народов, живущих под деспотическим правлением, где только один человек – баловень судьбы, а все прочие – ее пасынки. Кротость царит лишь в государствах с умеренным правлением.

Опыт показал, что в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания – в других странах.

Заметив какой-нибудь беспорядок в государстве, крутое и склонное к насильственным мерам правительство желает его прекратить тотчас же и вместо того, чтобы постараться восстановить силу старых законов, вводит новую жестокую казнь, которая разом пресекает зло. Но слишком туго натянутые бразды правления скоро ослабевают. Воображение привыкает к этой большей каре, как оно привыкло к прежней меньшей; и так как в результате ослабевает страх перед этой меньшей карой, то является необходимость распространить большую на все случаи. В некоторых государствах стали обычным явлением грабежи на больших дорогах. Для прекращения их придумали казнь посредством колесования, которая и приостановила их на некоторое время. Но потом на больших дорогах снова стали так же грабить, как и прежде.

В наши дни участились случаи дезертирства; за дезертирство установили смертную казнь, но оно не уменьшилось. Причина этого весьма естественна: солдат, привыкший ежедневно рисковать своею жизнью, презирает или считает делом чести презирать опасности. Его ежедневно приучают бояться стыда, поэтому следовало отвергнуть наказание, налагавшее неизгладимое пятно стыда на всю его жизнь. Думая усилить наказание, на самом деле ослабили его.

Не следует править людьми с помощью крайних мер; надо экономно использовать предоставленные нам природой средства руководства ими. Вникните в причины всякой распущенности, и вы увидите, что она – проистекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний. Последуем природе, которая вместо бича дала человеку стыд, и пусть самая чувствительная часть наказания будет заключаться в позоре быть подвергнутым стыду.

Если же есть страны, где наказание не влечет за собой чувства стыда, то в этом виновата тирания, которая подвергает одинаковым наказаниям и преступников, и честных людей.

И если есть другие страны, где люди сдерживаются лишь жестокими наказаниями, то будьте уверены, что это по большей части происходит от жестокости правительства, налагавшего эти наказания за легкие провинности. Часто законодатель, желающий прекратить какое-нибудь зло, только и думает о достижении этой цели. Он видит лишь одну сторону дела и не замечает сопряженных с ней неудобств.

В результате после того, как зло пресекается, все видят только жестокость законодателя; в государстве остается зло, произведенное этой жестокостью: она извратила умы, она приучила людей к деспотизму.

* * *

Принципы демократии могут подвергаться разложению. Это несчастье постигает народ, когда те, которым он доверился, стараются его развратить, желая этим скрыть свою собственную испорченность. Чтобы он не заметил их властолюбия, они говорят ему о его величии; чтобы он не заметил их алчности, они постоянно потакают его собственной алчности.

Не удивительно поэтому, что голоса начинают продаваться за деньги. Народу много дают только для того, чтобы получить от него еще больше. Но чтобы получить это большее, необходимо произвести государственный переворот. Чем значительнее будут казаться выгоды, извлекаемые народом из своей свободы, тем ближе он будет к моменту, когда придется ее утратить. Появляются мелкие тираны со всеми пороками крупных. Вскоре все, что осталось от свободы, становится невыносимым бременем; тогда возвышается один тиран, и народ теряет все, вплоть до выгод от своей испорченности.

Если принципы правления разложились, самые лучшие законы становятся дурными и обращаются против государства; когда же принципы здравы, то и дурные законы производят такие же последствия, как и хорошие; сила принципа все себе покоряет.

Чтобы заставить своих правителей подчиняться законам, критяне придумали весьма своеобразное средство, а именно – восстание. Часть граждан восставала, возмущалась, обращала в бегство правителей и заставляла их вернуться к частной жизни. Это считалось законным образом действия. Кажется, что учреждение, обращавшее мятеж в средство противодействия злоупотреблениям власти, должно было бы погубить любую республику; но оно не разрушило республики Крита и вот почему.

Когда древние желали назвать народ, отличающийся самой сильной любовью к отечеству, они обыкновенно указывали на критян. Отечество – слово, столь дорогое критянам, говорит Платон. Они называли его словом, которое выражало любовь матери к своим детям. А любовь к отечеству исправляет все.

Размер территории и форма правления

Республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится. В большой республике будут и большие богатства, а следовательно, и неумеренные желания. Круг общественных дел, поручаемых заботам гражданина, станет слишком обширным. Усилятся личные интересы.

Сначала человек почувствует, что он может стать счастливым, великим и славным помимо своего отечества, а вскоре убедится, что он может достигнуть величия только один на развалинах отечества.

В большой республике общее благо подчинено тысяче разных соображений; не все могут им пользоваться; оно зависит от случайностей. В небольшой республике общее благо живет, чувствуется, яснее сознается, ближе к каждому гражданину; злоупотребления встречаются там меньше простора, а следовательно, и меньше покровительства.

При обычных условиях в государстве, состоящем из одного города, трудно удержаться какому-нибудь иному правлению, кроме республиканского. Монарх в таком малом государстве будет обладать большой властью, но ничтожными средствами для того, чтобы воспользоваться ею и заставить ей повиноваться; поэтому он, естественно, станет угнетать свой народ.

С другой стороны, и сам он легко может подвергнуться нападению извне или даже со стороны внутренних сил; народ может в любой момент собраться и восстать против него.

Но когда государь, царствующий в одном только городе, будет из этого города изгнан, то делу конец; если же у него много городов, то дело только начинается.

Монархическое государство должно быть средней величины. Если бы оно было мало, оно сформировалось бы как республика; а если бы оно было слишком обширно, то первые лица в государстве, сильные по самому своему положению, находясь вдали от государя, имея собственный двор в стороне от его двора, обеспеченные от быстрых карательных мер законами и обычаями, могли бы перестать ему повиноваться; их не устрасила бы угроза слишком отдаленной и замедленной кары.

Поэтому едва Карл Великий успел основать свою империю, как ему тотчас же пришлось разделить ее; потому ли, что начальники провинций не повиновались, или для того, чтобы заставить их лучше повиноваться, империю оказалось необходимо разделить на несколько государств.

В таких случаях распад государства может быть предотвращен быстрым установлением неограниченной власти т. е. новым злом, следующим за злом завоевания!

Реки стремятся слиться с морем; монархии стремятся раствориться в деспотизме.

Обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления. В обширной империи надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства.

Для того чтобы держать в повиновении обширную империю, нужно большое войско. При этом войско, рассыпанное по провинциям, не может справиться со всеми стоящими перед ним задачами. Надо, чтобы около государя был всегда отряд из особо ему преданных воинов, всегда готовых устремиться в ту область империи, где могло бы вспыхнуть восстание.

Китайский император всегда имеет под рукой большой отряд татар, готовый выступить при первой надобности. У Могола, у турок, в Японии помимо армии, которая содержится на доходы от земли, есть особые полки, состоящие на жалованьи государя. Эти отдельные силы удерживают в повиновении общие силы.

Таким образом, деспотическое государство само причиняет себе все то зло, которое мог бы причинить ему жестокий и неотразимый враг.

* * *

Небольшие государства погибают от внешнего врага, а большие – от внутренней язвы

Эти два бедствия свойственны и демократиям, и аристократиям, независимо от того, хороши они или дурны. Зло лежит в самой сути вещей, и никакое изменение формы не может его искоренить.

Очень вероятно поэтому, что люди оказались бы в конце концов вынужденными жить всегда под управлением одного, если бы они не изобрели особого строя, который со всеми внутренними достоинствами республиканского правления совмещает внешнюю силу монархического правления. Я говорю о федеративной республике.

Эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность входящих в него государственных единиц.

Греция была обязана своим долгим процветанием этим союзам. Благодаря им римляне смогли выступить против всего мира, и только благодаря им мир смог защищаться от Рима.

И когда Рим достиг вершины своего величия, именно благодаря таким союзам, возникшим за Дунаем и Рейном под влиянием страха, варвары смогли ему сопротивляться.

Такого рода республика, способная сопротивляться внешней силе, может сохранять свои размеры, не подвергаясь внутренней порче. Форма этого общества спасает его.

Человек, стремящийся к захвату власти, не мог бы там пользоваться одинаковым доверием со стороны всех государств, входящих в союз. Если бы он чрезмерно усилился в одном из них, то возбудил бы тревогу всех прочих; и если бы он подчинил своей власти какую-то часть союза, то другая, оставшаяся свободной часть могла бы противиться ему, используя силы, независимые от тех, которые он захватил, и одолеть его прежде, чем он успел бы утвердиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.